

Х.Д. Цуцаева (Институт языкознания РАН)

H.D. Tsutsaeva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

**Позиционная мобильность локализатора в экзистенциальных предложениях
английского языка**

The positional transformation of locatives in English existential sentences

Аннотация

В этой статье исследуются экзистенциальные предложения (ЭП) как сложная синтаксическая единица. ЭП рассматриваются не только со стороны синтаксической структуры, но и со стороны коммуникативной (тема-рематической) организации. Причины позиционной мобильности локализатора в ЭП с вводящим *there* анализируются комплексно. Неожиданной оказывается способность локализатора перемещаться из начальной позиции в конечную. Однако это происходит только в ЭП с вводящим *there*, в синонимичных конструкциях (простая и двойная инверсия) такие изменения невозможны.

This paper examines existential sentences as a complex syntactic unit and treats them both from their syntactic structure and from their communicative (Theme — Rheme) organization as well. The reasons of locative positional transformations are analyzed comprehensively. Such unusual back and forth movement of locatives happens in existential *there* sentences only (in existential sentences with simple and double inversion such transformations are not possible).

Ключевые слова

Мобильность локализатора, синтаксическая и коммуникативная структура, когезия, контекст

Locative transformation, syntactic and communicative structure, text cohesion, context

В последнее время экзистенциальные предложения (ЭП) как самостоятельный тип продолжают интенсивно изучаться (Н.Д. Арутюнова, Е.А. Реферовская, В.Б. Борщев и Б.Х. Парти, А.М. Туманян, С.Е. Кузьмина; I. Hazout, S. Cruschina и др.). Проблема типологии привлекает внимание лингвистов в силу того, что в предложении все его аспекты — структурные, коммуникативные, номинативные — тесно связаны между собой и функционируют в единстве формы и содержания. Вычленение только одного аспекта в качестве доминирующего для объединения предложений в определенный тип возможно как научное допущение. Видимо, семантическая структура и может рассматриваться как общее обоснование для объединения ряда синтаксических структур, ибо для процесса речевой коммуникации решающее значение имеют не те или иные конструктивные особенности предложения, а прежде всего выражаемый предложением смысл, т.е. его семантическая структура [3, 23].

В данной статье мы рассматриваем в качестве экзистенциальных как «чисто» бытийные, так и пространственно-бытийные высказывания, однако, выделяем ЭП как самостоятельный тип не только по семантическому признаку (локализатор (пространственный или темпоральный) — бытийный глагол — имя бытующего предмета), но и по структурному признаку (постпозитивная позиция подлежащего). В результате предложения с экзистенциальным значением реализуются несколькими конструкциями, имеющими инвертированный порядок компонентов синтаксической структуры:

а) инверсия с вводящим *there* (*there – V – S – Adv*; *Adv – there – V – S*);

б) простая инверсия (*Adv – V – S*);

в) двойная инверсия (*V – Adv – v – S*) двучленного сказуемого в Continuous или Passive.

Постпозитивное подлежащее во всех трех типов высказываний репрезентирует смысловой центр — рему, тематическая часть включает обстоятельство места и бытийный предикат. Сохраняя линейный принцип организации коммуникативной

структуры (T — R), инвертированные ЭП представляют собой ремовыделительные конструкции с семантикой экзистенциальности, где доминантой является ЭП с вводящим *there*.

Следует отметить и тот факт, что именно тема-рематическая структура отличает ЭП от локативных предложений, которые также отражают пространственно-предметный аспект мира: *The tea things were on the tables. On the tables were tea things.*

Оба предложения в данном случае отражают одну и ту же денотативную ситуацию, но различаются коммуникативной направленностью и неопределенностью имени бытующего предмета в ЭП. Первое предложение (локативное) с прямым порядком слов имеет направленность от объекта к месту его локализации, т.е. указывает местонахождение. Инвертированное высказывание (ЭП) имеет иной смысловой центр, который переместился на имя бытующего предмета, вследствие чего высказывание приобрело бытийный характер.

Другими словами, различие состоит в том, что в локативных предложениях исходным пунктом сообщения (темой) служит известный предмет, а сообщаемым (ремой) — местопребывание этого предмета. В экзистенциальных предложениях, наоборот, данным (темой) является место, а новым (ремой) — его предметное наполнение [1, 197; 6, 464–474; 8, 271]. Можно сделать вывод, что в ЭП сообщается о существовании лица, предмета или явления во времени и пространстве, т.е. об экзистенциальности — понятии, которое выходит за рамки чисто лингвистического.

В последнее время предлагается представить схему как экзистенциальных предложений, так и локативных предложений, описывающих ситуацию бытия или местонахождения, как «формулу: BE (THING, LOC), где BE — это любой бытийный глагол, а THING и LOC — ВЕЩЬ и МЕСТО. При этом если локативное предложение предсказывает, что ВЕЩЬ находится в некотором МЕСТЕ, то в бытийном предложении эта предикация как бы «turned around», и утверждается, что в данном МЕСТЕ находится ВЕЩЬ» [5, 7]. Но мы считаем, что фундаментальную роль в различии обсуждаемых экзистенциальных и локативных высказываний играет структура Темы и Ремы.

Анализируя бытийную конструкцию с вводящим *there*, которая реализуется в любом функциональном стиле, являясь при этом стилистически нейтральной, мы указываем, что локализатор обладает определенной позиционной мобильностью в данной конструкции, оставаясь при этой *теме* высказывания: Adv – there – V – S u there – V – S – Adv.

Как известно, в высказываниях с экзистенциальными оборотами *there is / there are* локализатор может занимать начальную или конечную позицию по отношению к реме, что объясняется спецификой экзистенциального оборота, а именно наличием вводящего *there*. Позиционная вариативность локализатора отмечается только в экзистенциальных высказываниях с *there*, поскольку в инвертированных бытийных конструкциях с простой и двойной инверсией обстоятельство места имеет фиксированную позицию перед сказуемым (или частью сказуемого) и не допускает никаких перемещений.

Именно конструкция с вводящим *there* может иметь в своей структуре локализатор как в контактной позиции, так и в дистантном расположении. Однако пространственный локализатор (в отличие от темпорального) в ЭП является облигаторным элементом синтаксической структуры и представляет ситуативный фон для утверждения о существовании предмета или лица. Термином «локализатор» называют структурно необходимый компонент экзистенциальной (или локативной) модели. Нередко в предложениях с вводящим *there* локализатор может отсутствовать. Однако сфера употребления предложений «чистого» бытия относительно ограничена. Весь смысл подобных предложений заключается в утверждении существования чего-либо. Не останавливаясь на подробной семантической классификации локализаторов в ЭП, укажем наиболее общие их типы, представляющие интерес для анализа инвертированных экзистенциальных предложений:

1. Пространственные локализаторы, указывающие некоторое реальное место:

There were easy chairs, bowls of flowers on the table. There were magazines on a table. In a coop sheet off from the studio by a glass-window wall was an engineer of a gigantic control board (A. Christie. Selected stories).

2 Личностные локализаторы, использующиеся при описании внешности человека:

Mrs. Talbot watched her without moving. There was a small, shrewd smile on her lips.

There was a speculative look on her face (D. Lessing. Children of violence).

He was a heavy-shouldered, big-chested, but not sluggish. In his eyes was a quiet humor, in his speech was a syrup-smooth quickness (Fr. Forsyth. The Dogs of War).

3. Квазилокализаторы, выражающие некоторое идеальное пространство:

I had been jealous in love, but this envy was more degrading. In jealousy there was at least the demand for another's love, the suspense of passion while in such envy (C.P. Snow. Time of Hope).

Указанные типы локализаторов (классификация Н.Д. Арутюновой) используются в инвертированных ЭП с определенными ограничениями, ибо значение бытийной модели складывается на пересечении значений локализатора и имени бытующего предмета и зависит от лексико-грамматических характеристик имени.

В ЭП все типы локализаторов выполняют одинаковые синтаксические функции, т.е. функции обстоятельства. Если обстоятельство в предложениях с простой и двойной инверсией имеет фиксированную позицию в синтаксической структуре (Adv – V – S), то в предложениях с вводящим *there* обстоятельство места обладает относительной позиционной вариативностью.

Начальная позиция в синтаксической модели ЭП занята пространственным (временным) локализатором, который является темой высказывания. Однако расположение обстоятельства в конце предложений с вводящим *there* наиболее частотна, но локализатор все же входит в тему высказывания. Такая разнообразная позиция обстоятельства в ЭП детерминируется тем, что оно обозначает внешние условия существования бытующего предмета. В случае отсутствия вербальной манифестации локализатора (а такие примеры не единичны), он может быть восстановлен из контекста или ситуации. Рассмотрим три наиболее типичные позиции локализатора, в которых он встречается в ЭП с вводящим *there*: начальная, конечная и нулевая: (*there* – V – S – Adv);

Adv – *there* – V – S; *there* – V – S):

In the bar there was a fellow with a cane and a Windsor tie on (A.Christie. Selected stories).

There was a yacht piano in the cabin (Joyce J. Dubliners).

There was a pause. The table was inert. It returned no answer to questions (A. Christie. The Sittaford Mystery).

Признавая нормой позицию обстоятельства места в конце предложения, А.И. Смирницкий считает, что для положения обстоятельства времени, а тем более обстоятельства места в начале предложения, должна быть особая мотивировка [10, 285]. Причины помещения пространственного локализатора во фразональную позицию различны, но основными являются: а) связь пространственного или временного локализатора с предшествующим предложением; б) подлежащее, отягощенное множеством определений, занимает предпочтительно конечную позицию; в) тесная смысловая связь подлежащего с началом следующего предложения [12, 379].

В пунктах (а, в) указывается на соединительную функцию инверсии в ЭП с вводящим *there*, т.е. на функцию выражения связи между данным предложением и предшествующим или последующим контекстом. Соединительная функция инверсии проявляется не только в отдельных предложениях, но и в более крупных отрезках высказывания – таких, как абзац, где в действие вступает явление когезии [15, 374].

Подробный статистический анализ позиционного размещения обстоятельств дается в исследованиях С. Якобсона. Автор только кратко отмечает общие причины начальной (Front-position), серединной (Mid-position) и конечной (End-position) позиций обстоятельства, указывая на тот факт, что любое его размещение зависит от многих факторов (семантика обстоятельства, тип предложения, форма различных элементов в предложении) [14, 72]. Например, временной локализатор может показывать многочисленные вариации своего расположения. Наиболее общей и частотной является для обстоятельства времени положение в середине предложения, в то время как фразоконечная и фразоначальная позиции менее частотны. Однако, как уже указывалось,

в процессе расположения обстоятельства не последнюю роль играет семантика наречия и тип предложения, в котором оно функционирует.

Учитывая все эти факторы, нельзя упускать из виду и то, что обстоятельства в предложении не всегда выражены только наречиями, но и адвербиальными фразами и придаточными предложениями, а в рассматриваемых инвертированных ЭП это в основном адвербиальные фразы.

In the living-quarters there were three more sizeable rooms able to cope with increased personnel if trade should expend. There was a steel ladder at the edge of the platform (Science Fiction, 1979).

Анализ примеров в контексте даст возможность обнаружить причины фразоначального расположения обстоятельств места или времени, ибо только контекст, т.е. вербальное окружение анализируемого высказывания, способно полностью продемонстрировать его контекстные связи. Например:

1. *There were a lot of horsemen and strangers and dressed up people from other towns standing around in the lobby and in the bar.* 2. *In the bar there was a fellow with a cane and a Windsor tie on, that it makes me sick to look at him.* 3. *I like a man to be a man and dress up, but not to go put on that kind of air* (Sh. Anderson, Early writings).

Как первое, так и второе высказывание представляет собой экзистенциальное предложение с вводящим *there*. В первом высказывании довольно распространенное обстоятельство места *around in the lobby and in the bar* располагается в конце предложения, что объясняется громоздкостью пространственного локализатора. Начало второго высказывания *in the bar*, как видно, тесно связано с концом предыдущего *around in the lobby and in the bar*. Группа подлежащего этого высказывания *a fellow with a cane and a Windsor tie on* содержит пояснение в следующем предложении, где выражается отношение автора к людям, одевающимся подобным образом.

Немаловажная роль в исследуемом контексте отводится и стилистическим факторам. Нежелательность повтора начала первого предложения *there was*, вероятно, побудила писателя перенести обстоятельство места *in the bar* во втором предложении во

фразоначальную позицию. Независимо от расположения в обоих случаях обстоятельства несут тематическую нагрузку, т.е. являются «фоном», «кулисой» для утверждения о существовании подлежащего–ремы.

Актуальное членение предложения с обстоятельством в начале или конце ЭП с вводящим *there* будет идентичным. Здесь изменения в расположении локализатора служат стилистическим целям (осуществление позиционной контактности между связанными по смыслу членами соседних предложений, синтаксической и ритмической симметрии).

В данном случае стилистические функции порядка слов сосуществуют с грамматическими, так как все смыслы, присущие речевой единице, передаются в художественном произведении нерасчлененно.

Иногда подлежащее–рема может располагать таким количеством перечислений, постпозитивных определений, что обстоятельство неизбежно занимает начальную позицию, находясь в непосредственной близости к сказуемому, ибо экзистенциальный глагол в большинстве случаев требует вербальной реализации места существования или его имплицитного выражения в контексте. В случае отнесения пространственного локализатора в конец предложения оно может затеряться в громоздком подлежащем, и читатель потеряет нить повествования.

In the window there were trays of nuts and bolts, worn out chisels, penknives with broken blades, tarnished watches that did not even pretend to be in going order, and other miscellaneous rubbish (G. Orwell. Nineteen Eighty-four).

Inside the curtain there was a small light switched on, an upturned camp chair, and a copy of the King of Hearts with a lot of blue pencil makings on it (W. Golding. The Pyramid).

In an inhabited room there are refracting objects only half noticed: varnished wood, more or less polished brass, silver and ivory, and ... (F.S. Fitzgerald. Tender in the night).

Расположение локализатора в начале предложения указывает на то, что идентификация может осуществляться несколькими локализаторами, сужающими представление о пространстве до нужных пределов. Обычно на первом месте

располагается менее определенный локализатор, а на втором — локализатор, конкретизирующий представление о местонахождении бытующего предмета.

Near a little town called Watersville, in Green Country, perhaps four miles from that minor centre of human activity, there was a place or precipice locally known as the Red Cliff, a sheer wall of red sandstone, perhaps a hundred feet high. Somewhere in the hills behind the hotel there was a dance (American Stories, 1989).

Но возможен и обратный порядок, если менее определенный локализатор может осмысливаться как несогласованное определение к локализатору с более конкретным значением [1, 16].

On a table in the morning room there was a heap of papers – all papers that the late Mathew Stroud had left (A. Christie. Selected stories).

В приведенном примере обстоятельство места, занимающее фразоначальную позицию, выражено пространственным сложным локализатором *on a table in the morning room*, где *morning room* выступает в качестве конкретизирующего определения к *on the table* для уточнения местонахождения.

Наличие двух обстоятельственных адьюнктов иногда требует их рассредоточения в целях улучшения стиля. Обстоятельство места, указывающее на основное расположение предмета, будет занимать начальную позицию в экзистенциальном высказывании, а другой адьюнкт, приближающийся больше к дополнению, остается в конце:

At Smolny there were strict guards at the door and the outer gates (J. Reed. Ten days that shook the world, 1967).

Тема–рематическая структура данного высказывания имеет фиксированную форму Т — R, ремой является подлежащее *strict guards*, а темой — обстоятельство *at Smolny there were .... at the door and the outer gates* вместе со сказуемым. Однако здесь локализатор находится до и после ремы, т.е. его элементы занимают дистантное положение, и коммуникативная структура анализируемого примера выглядит следующим образом:

T—R—T. Пространственный локализатор в этом случае проявляет способность дистантного расположения своих элементов, когда часть темы находится в начале высказывания, а другая отделена от нее ремой.

Тематичность обстоятельства может подтверждаться опущением вводящего *there* в экзистенциальной конструкции, при этом в предложении сохраняются синтаксические связи и бытийный смысл.

On the other side, where the sea ran into the lagoon at high tide, there was open beach, and there the restless migration from Ingaza Beach settled (N. Gordimer, Selected stories).

*On the other side, where the sea ran into the lagoon at high tide, was open beach...

In every Californian, native-born or grafted, there is a deep-rooted primitive reflex (American Stories, 1989).

*In every Californian, native-born or grafted, is a deep-rooted primitive reflex.

Однако опущения подобного рода возможны при начальной позиции обстоятельства места, если же локализатор размещается в конце, то для перестановки необходима трансформация: конечного обстоятельства в начальную позицию:

There was a car in front of the house....

*In front of the house was a car...

There was a memory hole in the opposite wall (G. Orwell. Nineteen Eighty-four, 1988).

*In the opposite wall was a memory hole.

Иногда начальную позицию в ЭП может занимать пространственный и временной локализатор в контактном расположении:

All over Oceania this morning there were irrepressible spontaneous demonstrations when workers marched out of factories and offices and paraded through the streets (G. Orwell. Nineteen Eighty-four).

Подобное расположение обстоятельств в данном примере объясняется распространенностью подлежащего, имеющего при себе придаточное предложение, а также выражает желание автора указать не только место, но и время прохождения указанного события *demonstrations*. В этом случае обстоятельство показывает не только

пространственный, но и временной фон существования, ибо имя в этом предложении выражено событийным существительным, для которого характерна временная протяженность. «Пространство времени обычно воспринимается не просто как тот или иной отрезок объективной оси времени, а как измерение протяженности во времени некоторого события, тех или иных отношений» [9, 15]. Даже при опущении пространственного локализатора он может легко восстанавливаться из микроконтекста рассматриваемого высказывания. Известно, что демонстрации проходят на улицах, однако, чтобы показать масштабы развернувшегося движения, употребляется локализатор с более общей семантикой *all over Oceania*.

Фразоначальную позицию в ЭП с вводящим *there* может занимать и временной локализатор при отсутствии обстоятельства места:

At the beginning there had been the great fleet, circling the earth, dipping through shadow and emerging again into the sunlight, like a shoal of twinkling fish. And afterwards the small fleets ... And then smaller and smaller fleets .... (Science Fiction, 1979).

Использование временного локализатора (*at the beginning...*, *and afterwards...*, *and then*) в этой позиции в первом высказывании объясняется необходимостью указать на существование объекта в определенной последовательности, а пространственный локализатор легко восстанавливается из контекста. Обстоятельство времени обычно располагается в начале предложения, в то время как фразоконечная репрезентация обстоятельства места наиболее типична для английских предложений с экзистенциальным значением при наличии вводящего *there*:

At the moment there was only one occupant in the room. An old lady with white hair combed back of the face was reading a book (A. Christie. Selected stories).

Временной локализатор может быть представлен не только наречием времени или адвербиальной фразой, но и придаточным предложением времени, которое имеет в высказывании тематическую функцию:

When he looked again there was only his own appalled face reflected above the washbowl. But after a second or two the face seemed to develop a cloud of white turban (American Stories, 1989).

Как уже указывалось, типичным случаем расположения обстоятельственных адьюнктов в ЭП с *there* является это фразоконечная позиция, особенно, если речь идет о пространственном локализаторе. Хотя конечное положение в повествовательных предложениях является ремовыделительной позицией, в данном случае локализатор несет тематическую нагрузку. Подобное расположение элементов коммуникативной структуры объясняется, видимо, наличием в начале высказывания экзистенциального эксплитивного *there*, который несет в себе остатки локативного *there*. Некоторые лингвисты указывают, что *there* — это поверхностный десемантизированный обстоятельственный заместитель, имеющий общую глубинную характеристику «*in the universe*» [17].

Отмечая, что использование конструкции с *there* связано с выражением лексического подлежащего (темы) и лексического сказуемого (ремы), А.И. Смирницкий считает, что лексическое подлежащее (тема) в этих предложениях выражается очень своеобразно: «Если обстоятельство места или времени не стоит в начале, то предваряющее *there* дает общее представление о каком-то месте во времени или пространстве, конкретизация которого проводится после выражения лексического сказуемого, а иногда вообще не проводится, так как место или время представляются достаточно ясными из контекста» [10, 285]. Например:

It was a large room, with discoloured whitewashed walls, a bare board floor, yellow electric light bulbs. There were rough wooden benches all around the walls (D. Lessing. Children of violence).

Образуя вместе с глаголом единый неразделимый комплекс (*there is/are*), эксплитивное или вводящее *there* позволяет обстоятельству занимать различные позиции в предложении, т.е. быть мобильным.

В данном высказывании с вводящим *there* тематический сектор представлен экзистенциальным комплексом *there were*, который репрезентирует общий ситуативный фон, и обстоятельством места *all around the walls*, детерминирующим конкретное местонахождение бытующего предмета *rough wooden benches*. В случае фразоконечного размещения локализатора мы, видимо, имеем дистантного положения тематических элементов (T—R—T).

В своем исследовании С. Куно высказывает предположение, что первоначально обстоятельственный адьюнкт занимал фразоначальную позицию и только потом переместился в конец предложения и оставил «след», который затем и был заполнен эксплитивным *there* [17, 349, 364]. Вероятно, с этим можно согласиться, если учесть, что *there* в определенном плане сохранило семантику локализатора, а не только его синтаксическую позицию в ЭП с вводящим *there*. Однако автор не приводит примеров, где локализатор и вводящее *there* используются в начале ЭП в контактной позиции. Видимо, для объяснения этого случая обязательным условием явился бы контекст, ибо только вербальное окружение дает возможность понять позиционную вариативность обстоятельственного адьюнкта в ЭП и его тема–рематическую структуру.

Итак, в предложениях с вводящим *there* обстоятельство, как начальное, так и конечное будет носителем темы.

Как известно, в высказываниях с экзистенциальными оборотами *there is / there are* локализатор может занимать любую позицию по отношению к реме, что объясняется спецификой экзистенциального оборота, а именно наличием вводящего *there*. Позиционная вариативность локализатора отмечается только в экзистенциальных высказываниях с *there*, поскольку в инвертированных конструкциях с простой и двойной инверсией обстоятельство места имеет фиксированную позицию перед сказуемым (или частью сказуемого) и не допускает никаких перемещений.

Простая инверсия: *On a creek, at a little distance, were the clustered huts of a native village* (F.S. Fitzgerald. *Tender is the night*, 1985).

Двойная инверсия: *Standing at the bar was an interesting-looking man* (W. Tevis. *The Hustler*, 1983).

Позиционная мобильность обстоятельства в ЭП с вводящим *there* не предполагает его факультативности в структуре бытийных предложений. С одной стороны, локализатор — элемент конструктивно обязательный в пространственно-экзистенциальной модели, а с другой — его наличие не детерминируется семантикой какого-либо элемента в предложении, обязательность определяется самой синтаксической формой предложения, требованием самой структуры. Это подтверждается исследованиями лингвистов, которые считают обстоятельства места обязательным структурным элементом экзистенциальных предложений (А.И. Смирницкий, Н.Д. Арутюнова, Е.Н. Ширяев). Однако некоторые исследователи бытийных конструкций не считают пространственный локализатор обязательным компонентом ситуации [6], с чем мы не можем согласиться.

М. Индра в своем исследовании указывает на существование как таковое (а), существование при определенных обстоятельствах (б) и существование при определенных пространственных обстоятельствах (в). При этом в одном экзистенциальном предложении могут сосуществовать как временной, так и пространственный локализаторы, причем обязательным признается обстоятельство места, а темпоральный локализатор является факультативным элементом [13, 225]. Темпоральная характеристика в экзистенциальных высказываниях присутствует также во временных формах глагола, и поэтому обстоятельство времени не всегда имеет вербальное выражение. Вероятно, это происходит ввиду того, что темпоральный локализатор несет только дополнительную информацию о времени, уточняет время, выраженное глагольными формами. Из этого можно сделать вывод о факультативности временного локализатора, но наличие пространственного локализатора в ЭП является обязательным.

Известно, что смысл бытийных высказываний зависит не только от значения локализатора, но и от лексико-грамматических характеристик имени бытующего

предмета или явления. В ЭП с вводящим *there* экспликация пространственного локализатора не обязательна в тех случаях, когда имя выражено абстрактным существительным (события, признак, процесс). Здесь отсутствие локализатора компенсируется довольно четким контекстом. Например: *There was a sudden break ... , there was silence ....*

Включив эти предложения в контекст, можно восстановить обстоятельство места, т.е. идентифицировать место существования явления:

The programme for that evening was a ballad concert. A well- known soprano was singing Annie Laurie and in the middle of Annie Laurie a strange thing happened. There was a sudden break, the music ceased for a moment..., there was silence, and then very faintly a low buzzing sound was heard (A. Christie. Selected stories, 1976).

Поскольку явления или события часто бывают ориентированы не только в пространстве, но и во времени, то при отсутствии пространственного локализатора в ЭП часто выступает темпоральный показатель:

She often dressed as a Dutch sailor in the memory of her farther. In summer there were hunting parties and picnics. In winter there were sleigh rides and wild tobogganing down the ice slides... (S. Massie. Land of the firebird).

При этом необходимо отметить, что вводящее *there* при отсутствии пространственного локализатора часто берет на себя часть локативной семы, поэтому иногда определенные трудности представляет дифференциация между локативным *there* и экзистенциальным *there*.

There's your hat.

Наиболее четко эта разница детерминируется в случае сосуществования двух *there* (локативного и экзистенциального) в одном предложении, где синтаксическая позиция указывает на вид *there*. Известно, что вводящее *there* не может располагаться во фразоконечной или любой другой позиции, кроме как перед бытийным глаголом непосредственно, т.е. экзистенциальное *there* имеет свою фиксированную позицию:

There (ex) was something wrong there (loc).

There (ex) were cars parked along there (loc).

Облигаторность пространственного локализатора в ЭП с вводящим *there* подтверждается и его обязательной экспликацией в синонимичных конструкциях с экзистенциальным значением без *there*, в которых обстоятельство места является структурно обязательным элементом (простая инверсия и двойная инверсия).

Из этого можно сделать вывод, что вербальная невыраженность пространственного локализатора в ряде случаев в ЭП с вводящим *there* обусловлена, вероятно, наличием экзистенциального эксплитивного *there* в этих предложениях.

Итак, в ЭП с *there*, простой и двойной инверсией локализатор является облигаторным элементом. Однако позиционная мобильность локализатора только в бытийных конструкциях с вводящим *there* объясняется наличием экзистенциального *there*, который способствует позиционной вариативности обстоятельства. Одновременно важным условием размещения локализатора являются контекстные связи, ибо только наличие контекста может объяснить мобильность локализатора в предложениях с вводящим *there*, т.е. его перемещение из фразоконечной позиции в начальную (связь локализатора с предшествующим предложением или связь подлежащего в конечной позиции с началом следующего предложения). В исследуемом нами описательном стиле речи, где репрезентации инвертированных предложений со значением экзистенциальности наиболее частотны, осуществляется в основном цепная контактная связь. Но в чистом виде этот тип связи встречается редко, ибо, как отмечалось выше, наличие только одной цепной контактной связи сделало бы текст однообразным, хотя некоторое однообразие и монотонность в изобразительных текстах наблюдается.

Литература

1. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип. М., 1983.
2. Арутюнова Н.Д. Бытийные предложения. Энциклопедия «Русский язык». М., 1997.
3. Богданов В.В. Структурная схема и семантика предложения // Исследования по семантике. Уфа, 1985.

4. Борщев В.Б. и Барбара Х. Парти. О семантике бытийных предложений // Семиотика и информатика, вып. 37, М., ВИНТИ, 2002.
5. Борщев В.Б. и Барбара Х. Парти. Бытийные и локативные предложения – что их различает? Тема-рематическая структура или диатеза? // Тезисы семинара ИПИ РАН, 2007.
6. Бэбби Л. Порядок слов, падеж и отрицание в бытийных предложениях русского языка // Новое в зарубежной лингвистике: Выпуск XV. Современная зарубежная русистика. М., 1985.
7. Кузьмина С.Е. Концептуальное содержание структурной схемы *There P (Simple Verbal) S A (Place)* // Известия Уральского государственного университета, №4 (82), 2010.
8. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.
9. Селиверстова О.Н. К вопросу о коммуникативной структуре предложения // Изв. АН СССР, Сер. лит-ры и языка., т.43, № 5, 1984.
10. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. М., 1957.
11. Туманян А.М. К вопросу о лингвистической интерпретации бытийных предложений // Материалы Международной конференции. Пятигорск, 2004.
12. Шевякова В.Е. Современный английский язык. М., 1980.
13. Jindra, M. Function word *there*: Its special features and whims // *Philologica Pragensia*, Vol. VIII, 2-3. Prague, 1965.
14. Jacobson, S. *Adverbial Positions in English*. Stockholm, 1964.
15. Halliday, M.A.K., Hasan, R. *Cohesion in English*. London, 1976.
16. Hazout, I. The Syntax of Existential Constructions // *Linguistic Inquiry*, 2004.
17. Kuno, S. The Position of Locatives in Existential Sentences // *Linguistic Inquiry*, 1971.